

общение. Для успешной организации совместной спортивной деятельности решающее значение имеет обоснованный выбор системы сигналов, средств общения, которые бы максимально способствовали эффективному взаимодействию и согласованности спортсменов, тренеров и судей. Жестами судьи контролируют ход игры, указывают на ошибки, допущенные в ходе состязаний. Жестами игроки общаются между собой на площадке, поэтому, имея широкий набор средств общения невербальными способами, спортсмены обладают важным компонентом групповой взаимосвязанной деятельности, что дает им возможность расширить «поле действия» во время игры. Тренер должен знать, с помощью каких именно средств осуществляется межличностный контакт партнеров и какие сигналы являются наиболее оптимальными для тех или иных ситуаций взаимодействия и для конкретных спортсменов.

Язык мимики и жестов существовал еще задолго до появления разговорного языка. Однако научное изучение этого явления началось только в последние тридцать лет. В спорте проблема невербального общения мало изучена, и в связи с этим, заслуживает особого внимания и требует тщательной проработки.

С.В. ИВКИН

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Мы не какие-нибудь мыслящие лягушки, писал Ф. Ницше, – не объективирующие и регистрирующие аппараты с холодно расставленными потрохами, – мы должны непрестанно рожать наши мысли из нашей боли и по-матерински придавать им все, что в нас есть: кровь, сердце, огонь, весёлость, страсть, муку, совесть, судьбу, рок. Термин «объективация» означает овещствление, овещение, овнешнение, отчуждение, опредмечивание. Самым социально значимым и популярным является «отчуждение», разрабатываемое Т. Гоббсом, Л. Фейербахом, К. Марксом. В свете «переоценки всех ценностей», произошедшей в последние десятилетия на территории бывшего СССР, звучный термин стал подаваться как «овещение», сохранив за собой главную функцию «отчуждения»: изживать своего создателя. Персонификация вещей превратила человека в средство передвижения и тиражирования их идеальных сущностей. В данной работе хотелось бы рассматривать объективацию – переход от идеального в конкретное – как опредмечивание или овнешнение. «Тысячекратно происхождение всех хороших вещей: все хорошие веселые вещи прыгают от радости в бытие – как могли бы они это сделать – только один раз!» [4, с.124]. Предмет возникает в результате деятельности, и «мысль А. Мейе о том, что язык не вещь, а деятельность, разрешает науке смотреть на поэзию как на дискретный процесс, в котором – в промежутках между энергетическими лингвистическими всплесками – появляются вещи, стихотворения» [5, с.9]. Но стихотворение не может быть отчуждено.

«Стихотворение как вещь в языке, как язык в этой вещи и как вещь в себе поддается анализу и без каких-либо видимых усилий со стороны языка сопротивляется синтезу. Оно после любого научного или полупрофессионального насилия над собой остаётся нетронутым и цельным, ничуть не утрачивая того запаса языковой и культурной энергии, который был заложен в него носителем языка, да и самим языком, который носил, носит и будет носить стихотворца, как в физическом пространстве, так и в метафизическом времени» [5, с.9-10]. Соединяя вышеуказанные термины, мы можем говорить о *овнешнении внутренней работы поэта* и о *опредмечивании его трудовой деятельности*. С этой позиции фраза И.А. Бродского на суде 18 февраля 1964 года: «Я работал – я писал стихи» теряет всякую иронию [3, с.14].

Со времен Ветхого завета труд рассматривается как наказание. Представление о Рае всегда связано с отдыхом, который является «наградой за труды». Самоценный труд впервые стал рассматриваться Л. Фейербахом, когда философ заговорил о понятии «потребности» (как таковой). С этой же позиции следует рассматривать «Я хочу» Ф. Ницше. Это базовое качество человека: делать новое. Однако в современной философии принцип деятельности только начинает произрастание, еще не входя даже в пору цветения. На данный момент о словесной деятельности можно сказать следующее: Л. Фейербах пришёл к мысли, что «отчуждение – не есть овеществление»; мысль не только отчуждается в слове (Г. Гегель), но и получает в слове освоение, определение; идея и вещь (ее узкая конкретизация) не делимы и объединены в творческом процессе; нет ничего более революционного, чем живой творческий акт, чему и была посвящена книга «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше.

Из этого можно вывести ряд противоречий. Во-первых, деятельность делится на подневольную и свободную, границу между которыми провести достаточно сложно. К примеру, учеба – есть подневольная деятельность, целиком продиктованная потребностью занять лучшее место в социальной иерархии; или самодеятельность, направленная на самопостижение, самоопределение и саморазвитие! Во-вторых, традиционная схема «Субъект определяет объект» в работах С.Л. Рубинштейна приобрела обратный вектор. «Деятельность, определяющая объект, над которым она производится, определяет тем самым и субъект, который ее производит; работая над ним [объектом] он [субъект] определяет не только его, но и себя. Индивидуальность большого художника не только проявляется, она и создаётся в процессе творчества. Такова вообще отличительная особенность всего органического: функционируя, организм сам формируется. Создавая своё произведение, художник тем самым создает и свою собственную эстетическую индивидуальность. В творчестве создаётся и сам творец. <...> Есть только один путь – если есть путь – для создания большой личности: большая работа над большим творением» [1, с.106]. Рассматривая индивидуальность не как изолированную единичность, а как субъекта, сформированного взаимодействием многих субъектов, а возможно и

объектов, С.Л. Рубинштейн привёл ко второму противоречию: или субъект ничего не определяет, или, внимая воздействию извне, субъект сам становится объектом. Это понятно, если речь идёт о межчеловеческих отношениях, но как человек может стать объектом по отношению к вещи? Может ли вещь быть субъектом?! Ведь на этом и построена объективация поэтического процесса: «выражение неизъяснимого» [5, с.11.], создание вещи, оказывающей влияние на воспринимающего. Тогда восприятие поэтической вещи возможно только в том случае, если читающий субъект становится на момент чтения внимающим объектом (а не созерцающим), т.е. свободным от собственной программы действий и аналитической позиции. Возможно, поэтому самые сильные потрясения от поэтического текста мы способны переживать либо в период юношеского «самопоиска» (А. Вознесенский), либо в дни душевного разлада. В третьих, поэт – не производитель поэтических текстов, И.А. Бродский рассматривал себя как некую метафизическую сущность, следами пребывания на земле которой являются его «стишата»: «Существует закон сохранения энергии: энергия, выданная в мир, не пропадает бесследно при любой политической или культурной изоляции. И если в этой энергии вдобавок есть ещё и какое-то определённое качество, то тогда волноваться уж совершенно незачем. Поэтому зря поэты предаются вельтшмерцу по поводу того, что их не печатают или же не признают. Им надо волноваться только по поводу качества того, что они делают. Потому что при наличии качества всё рано или поздно станет на свои места» [Волков С. «Диалоги с Иосифом Бродским»]. *Насколько важна личность автора в рассмотрении текстов* – если они есть не автобиография, а результат длительной внутренней работы, определённое сконцентрированное знание, помещённое в оболочку, которая есть одновременно и момент проживания этого знания, поскольку без проживания ситуации, без получения конкретного опыта невозможно понимание, – *когда поэтический текст представляет себя как завершённую систему символов, раскрываемых по-своему каждым из читателей в зависимости от их познавательного и жизненного опыта?* Говоря Платоновскими формулами: «знание не сообщается как бы переливанием из одного сосуда в другой (Simposium 175Д), учиться – значит самому у себя находить (Theaetetus, 150Д), овладевать своим собственным познанием (Phaedo, 75E)» [1, с.101]. *Объективированная деятельность живет отдельно от производителя. Акмеологи обращаются к личной жизни производителя чего-то качественного, чтобы найти законы получения этого качества. Внимательное изучение биографий больших поэтов – не поиск ли это того же качества с целью применения его в своей работе?*

Выходит, что основной проблемой при рассмотрении объективации поэтического процесса становится вопрос: если поэтический текст есть результат трудовой деятельности, подчиненной определённым законам и схемам, то возможно ли развертывание полученной вещи, для раскрытия этих законов и схем в целях дальнейшего использования в других сферах человеческой деятельности?

Главный интерес здесь представляют субъектно-объектные отношения человека и поэтического текста, внутри которых особенно интересно выявить способы развертывания и интерпретации поэтических текстов для использования их в других сферах человеческой деятельности. Необходимость такого подхода очевидна. Мартин Хайдеггер, характеризуя современность, отметил пять явлений: обобщающее научное мышление; машинную (а теперь уже и автоматическую) технику, частично определяющую научный стиль мышления; рассмотрение искусства как выражения жизни человека; постижение и осуществление всякого человеческого делания как акта культуры и обезбоживания («нет решенности и решительности, что касается бога и богов»), то есть проблему онтологическую [5, с.135-136]. В свете этих тезисов любая деятельность человека рассматривается как реализация общего закона, а потому утраченные цепочки в одном виде деятельности можно обнаружить, рассматривая иные способы производства: техническое изобретение совершается в результате работы над иллюстрацией к японской хокку, затрагивая как вопросы технологические, так и онтологические [2, с.294.]. Можно предположить, что, рассматривая объективацию поэтического процесса как овнешнение внутреннего мировоззрения его создателя, мы не только обогащаем творческий потенциал деятелей многих профессий, но в дальнейшем приходим к расширению знания как в области изобразительной, так и в области философской, к выявлению законов любой деятельности, раскрытию межсистемных связей в различных областях человеческой деятельности. И самыми важными задачами на этом пути становятся: анализ поэтических культур различных стран и времён, их связь с философией и социальными аспектами с точки зрения, как отражения, так и преодоления общего влияния; раскрытие базовых законов поэтического процесса, выявление параллельных мест и их закрепление; исследование ситуаций, способствующих объективации внутренних переживаний во внешние формы; разработка способов прочтения поэтических текстов с различных позиций: как читателя, так и автора; попытка понимания поэтического текста, как с логической, так и иррациональной позиции; моделирование перехода закономерностей и устоявшихся образов из одного вида деятельности в другой.

В итоге овнешнение внутренней работы поэта и опредмечивание его трудовой деятельности выходит на позицию обратной связи: читатель-исследователь работает теперь не с текстом, и не с биографическими сведениями о жизни автора текста, а с парадигмой ценностей и представлений этого автора, *которые он и хотел передать*, с материалом метафизическим и метафорическим, но поддающимся прочтению и проживанию, а значит и использованию в обыденной жизни, которую всегда понимали отделённой от поэтического процесса, рассматривая его как только одну из форм игры [7, с.124-138]; как нечто игровое или сакральное, отделённое от общечеловеческих надобностей; точно так же когда-то понимали философию и науку.

Литература:

1. Вопросы психологии. 1986. №4.
2. Дизайн искусственных стихов: проект Сергея Новосёлова. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф. пед. ун-та, 2003.
3. Мир Иосифа Бродского. Путеводитель. Сб. статей. СПб., 2003.
4. Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 2 / Пер. с нем.; Сост. К.А. Свастьян., 1990.
5. Последнее стихотворение 100 русских поэтов XVIII-XX вв.: Антология-монография / Автор-сост. Казарин Ю.В. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004.
6. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / Пер. с нем. Сост. переводы, вступ. статья, примеч. А.В. Михайлова. М., 2003.
7. Хёйзинга Й. Homo Ludens / Человек играющий. Статьи по истории культуры / Пер. с нидерландского и сост. Д.В. Сильвестрова. 2-е изд., испр. М.: Айрис-пресс, 2003.

О.В. ЛАРИНА

ЧЕЛОВЕК КАК МЕРА В ЭСТЕТИЧЕСКОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ

Человек в социальном пространстве – причина и цель деятельности дизайнера, П.А. Флоренский утверждал, что человек – «узел мира идеального и реального». Известна мысль К. Маркса о человеке как единственном существе, способном проектировать по мере любого вида. «Животное строит сообразно мере и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда, как человек умеет производить по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету присущую мерку; в силу этого человек строит также и по законам красоты».

Представление о «мере человека» как критерии деятельности дизайнера связано и с ее эстетическим характером. Мера человека, как отмечают исследователи дизайна, понятие с конкретно-историческим содержанием. Культура на каждом этапе своего существования формирует человека и представление об аксиологических нормах. Эта система ценностей для дизайнера и есть отправной и конечный пункт деятельности. Наиболее стабильным критерием в условиях постоянно меняющегося места человека в мире было само человеческое тело. Оно есть первая эмпирическая данность, которая позволила соотносить человека и мир, его окружающий. В этом смысле интересен тот факт, что ранние философские учения, в особенности на Востоке, не разграничивают тело и дух, рассматривая их в единстве, которое, в свою очередь, помещается в центр мира, между небом и землей. Уже на этом древнейшем этапе развития культуры философская мысль разрабатывала модели достижения гармонии, единства человека и мира, при которых тело становится одним из элементов бытия и существует в одном ритме с ним, следуя единому закону (даосизм, буддизм). В ранней греческой философии микрокосмос и макрокосмос телесны, одухотворены,